

ДАТИВНО-ИНФИНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Антон Циммерлинг

Государственный институт русского языка им.

А. С. Пушкина / Институт языкознания РАН

fagraey64@hotmail.com

Резюме. Обсуждаются две синтаксические конструкции с инфинитивом, используемые в русском языке для выражения модальных значений. Конструкция дативно-инфинитивной структуры (ДИС) в предложениях с формой индикатива выражает таксономическое значение алетической модальности. Независимые предложения ДИС продуктивны, в то время как вложенные предложения ДИС являются реликтом древнерусского синтаксиса: они возможны только в односубъектных клаузах. Синтаксические идиомы типа *негде спать*, *некого винить* задают особый тип финитного предложения, возглавляемого отрицательным экзистенциальным предикатом, состоящим из ударного отрицания *не*, в состав которого инкорпорировано вопросительно-относительное слово. Такие элементы, называемые *н-словами*, сочетают в себе свойства морфологических единиц, напоминающих предикативы дативной структуры, и редуцированных предложений с вопросительно-относительным словом (*к-словом*), подвергшихся операции подъема из вложенной инфинитивной клаузы в матричную клаузу. В большинстве случаев употребление *н-слова* позволяет реконструировать утвердительный коррелят, имеющий эксплицитно выраженную биклаузальную структуру. Предложения с *н-словами* выражают таксономическое значение экзистенциальной квантификации, комбинированное со значением алетической невозможности. Ни предложения ДИС, ни предложения с *н-словами* не имеют ограничения на одушевленность модального субъекта. В деривационной перспективе и те, и другие являются свернутыми биклаузальными структурами, но в предложениях ДИС редуцированной является верхняя клауза, а в предложениях с *н-словами* – вложенная инфинитивная клауза.

Ключевые слова: *дативно-инфинитивные структуры, инфинитив, н-слова, к-слова, алетическая модальность, экзистенциальная квантификация, биклаузальность, подъем*

1. Модальные конструкции с инфинитивом в современном русском языке

Особенностью современного русского языка является наличие двух инфинитивных конструкций, выражающих модальные значения: 1) дативно-инфинитивной структуры (далее – ДИС), имеющей схему $N_{\text{ДАТ}} - \text{INF}$, ср. *тебе сейчас*

* Антон Циммерлинг. Дативно-инфинитивные структуры и синтаксические идиомы в русском языке. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 281–300.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.10>

выходить, мне не выйти, быть дождю, сидеть тебе теперь в тюрьме и т.п.; 2) синтаксических идиом с отрицательными предикативными местоимениями типа *негде, некого, не о чем*, включающих ударное отрицание *не-* и вопросительно-относительное слово (далее – *н-слова*), строящихся по схеме $N_{\text{ДАТ}} - \text{AUX} - \text{INF}$, ср. *мне было негде спать, нам некого винить в кризисе*. В диахронической перспективе сохранение конструкции ДИС является консервативной чертой русской грамматики, воспроизводящей фрагмент синтаксиса праславянского языка, ср. (Ходова / Hodoва 1980). Напротив, грамматикализация предикативных *н-слов* и связанной с ними особой модели предложения является инновацией восточнославянских языков, в наибольшей степени характерной для русского языка, где модально-экзистенциальные предложения с базовым значением ‘*есть такой x / нет такого x-а, с которым можно сделать p*’ имеют последовательно асимметричный синтаксис в отрицательных и утвердительных клаузах (Mrázek 1972), ср. *мне есть где спать, нам есть кого винить в кризисе*.

Предложения ДИС выражают в русском языке значение *алетической* (в иных терминах – *внешней*) модальности: ‘внешний фактор *F* делает *p* возможным/необходимым’ (Fortuin 2005). Предложения с *н-словом* выражают значение экзистенциальной квантификации над пропозициями, проецируемыми вложенными клаузами с вопросительно-относительным словом типа *где / кого / о чем спросить* (далее – *к-словом*), см. (Šimík 2011; Kondrashova, Šimík 2013). В них также имеется встроенный модальный компонент, который соответствует определению алетической модальности и не связан с выражением деонтических, нормативных и эпистемических значений (Циммерлинг / Zimmerling 2022). Таким образом, общим таксономическим значением, присущим в русском языке как предложениям ДИС, так и предложениям с *н-словом*, является значение алетической модальности. При этом предложения ДИС в некоторых контекстах, а именно при комбинации отрицания с инфинитивом совершенного вида выражают значение алетической необходимости, ср. *Тебе сейчас выходить; Васе было не решить этой задачи* (Митренина / Mitrenina 2017), а предложения с *н-словом* выражать значение данного типа не могут. С другой стороны, нет никаких свидетельств того, что предложения ДИС могут выражать в русском языке значение экзистенциальной квантификации.

Возможность сведения ДИС и синтаксических идиом с *н-словом* к единой конструкции (Бонч-Осмоловская 2003 / Bonch-Osmolovskaya 2003; Fleischer 2006) и природа взаимодействия модального и экзистенциального компонентов в предложениях с *н-словом* является предметом дискуссии, ср. (Ebeling 1984; Fortuin 2007; 2011; 2014; Šimík 2011). Имеются существенные различия в реализации связочных элементов и форм инфинитива, более того, само наличие стандартной связочной позиции в предложениях ДИС подвергается сомнению, ср. альтернативную точку зрения в (Moore, Perlmutter 1999). Параллели между ДИС и идиомами с *н-словом* активно обсуждаются в связи с тем, что обе модальные конструкции используют маркирование субъектного аргумента дат. п.

2. Дативно-инфинитивные предложения

2.1. Независимые и вложенные предложения ДИС

В современном русском языке продуктивными являются только *независимые* предложения ДИС (root DIS clauses), в то время древнерусский язык допускал и *вложенные* разносубъектные предложения ДИС (embedded DIS clauses), вводимые глаголами или предикативами, см. (1а.–б.). При наличии в матричной клаузе отрицания *не* древнерусский язык обычно ставит форму глагола *быти* после него, с порядком NEG – AUX, см. (2.), что невозможно в современном русском языке, см. (3.).

1. Древнерусский язык (Madariaga 2011: 314)¹

а. Се бо мнится_{PRES.3SG} нам_{DAT} [_{DIS} **привидению**_{DAT} **быти**_{INF} въ церкви] (Печ. Пят, 62)

“Поэтому нам_i кажется, что в церкви есть привидение_j.”

б. Аще годѣ_{PRED} ти_{DAT.2SG} есть [_{DIS} **жити**_{INF} **намъ**_{DAT} въ немъ] буди намъ помощник (Феод., 81)

“Если тебя устраивает, чтобы мы жили в нем, будь нашим помощником”, букв. “если тебе_i угодно нам_j жить в нем...”

2. Древнерусский язык (Madariaga 2011: 320)

Яко же азъ разоумехъ_{AOR.1SG} [_{DIS} 3 дньи_i **не**_{NEG} **бѣ**_{IMP.F.3SG} [_{IMP} прийти_{INF} емоу_{DAT} ____i]] (Печ. Пят. л. 179 об)

“А когда я уразумел, что он не приходил уже три дня.”

3. Русский язык

*Васе не было прийти/приходить уже три дня.

В современном русском языке материально выраженная связка *есть* в изъявительном наклонении настоящего времени в контекстах типа (2.–3.) отсутствует, а стяженная отрицательная форма **нестъ* исчезла, что затрудняет восприятие еще одного запрета: русский язык запрещает в предложениях ДИС любую комбинацию общего (предикатного) отрицания с материально выраженной связочной формой глагола *быть*.

4.а. *Васе не_{NEG} **есть**_{BE.PRES} / **нестъ**_{NEG-BE.PRES} прийти/приходить на работу.

б. *Васе не_{NEG} **было**_{BE.PST.3SG.N} прийти/приходить на работу.

в. *Васе не_{NEG} **будет**_{BE.FUT.3SG} прийти/приходить на работу.

¹ Здесь и далее нотация и перевод примеров наши – А. Ц.

Оба запрета – на разносубъектные вложенные инфинитивные клаузы и на порядок слов NEG – AUX в односубъектных предложениях ДИС объясняются тем, что общеславянская конструкция ДИС, которая была изначально безразлична к типу клаузы и наличию внешне выраженной синтаксической вершины перед группой N_{DAT} – INF, была переинтерпретирована в современном русском языке как тип предложения, почти исключительно связанный с независимыми клаузами.

2.2. Биклаузалность и место отрицания

Отрицание в клаузе ДИС в современном русском может стоять только перед инфинитивом в строго контактной позиции. В этом случае ненулевая форма прошедшего и будущего времени связки *быть* возможна, причем ее место по отношению к блоку [NEG – INF] может быть любым.

5. а. Васе_{DAT} было_{AUX.PST.3SG.N} [_{InfP} не_{NEG} выйти_{INF} из автобуса].

б. [_{InfP} Не_{NEG} выйти_{INF} из автобуса] было_{AUX.PST.3SG.N} Васе_{DAT}

в. Из автобуса_i было_{AUX.PST.3SG.N} Васе_{DAT} [_{InfP} не_{NEG} выйти_{INF} _____i].

Замена связки *быть* на полузнаменательные глаголы затруднена или невозможна. Так, *стать* маргинально допустимо в контексте (6.), в то время как *оказаться*, *делаться* и прочие связки исключены.

6. а. ?Васе стало не выйти из автобуса.

б. *Васе оказалось не выйти из автобуса.

Интерпретация этих фактов с позиций формальных моделей языка с высокой вероятностью влечет принятие по крайней мере одного из двух положений.

i. Формы глагола *быть* в конструкции ДИС лишены свойств стандартных связок и ведут себя, как темпоральные частицы (Moore, Perlmutter 1999).

ii. Конструкция ДИС является биклаузалной структурой с внешне невыраженной синтаксической вершиной в матричной клаузе, что и объясняет аномальный порядок отрицания и связки (Fleischer 2006).

Гипотезы (i) и (ii) частично конфликтуют: для обоснования биклаузалности предложений ДИС проще допустить, что позиция T(ense), т.е. вхождение категории времени в структуру предложения, заполняется не дефектной, а морфологически полной глагольной связкой. Кроме того, линейная позиция приинфинитивного отрицания не согласуется с его семантической интерпретацией, так как сфера действия *не* в примерах типа (5.) не ограничивается инфинитивным оборотом *выйти из автобуса*, а охватывает все сказуемое: *X-у не (было (выйти из автобуса))*. Можно, однако, одновременно принять (i) и (ii) и допустить, что полная структура независимого предложения ДИС в современном русском языке изначально содержит две клаузы, но подвергается редукции,

в силу чего каноническая позиция отрицания в «верхней» клаузе оказывается недоступной для *не*.

iii. $\text{DAT}_i - \text{NEG1} - \text{T}_{\text{AUX}} - [\text{PRO}_i - \text{NEG2} - \text{INF}] \Rightarrow \text{DAT}_i - \text{NEG1} - \text{T}_{\text{AUX}} - [\text{PRO}_i - \text{NEG2} - \text{INF}]$.

Таким образом, верхняя (матричная) клауза в русских предложениях ДИС недоразвита или свернута: ее единственным элементом, реализация которого не связана с ограничениями, оказывается модальный субъект в дат.п., который всегда (поскольку разносубъектные клаузы ДИС запрещены) кореферентен нулевому субъекту вложенной нефинитной предикации (PRO). Это сочетание параметров объясняет, почему в традиционных описаниях русской грамматики (Шведова / Shvedova 1982) предложения ДИС трактуются как элементарные структуры, где инфинитив является лексической вершиной сказуемого, а модальный субъект, получающий дат.п., считается аналогом подлежащего. Маркировку субъекта дат.п. проще всего вывести из постулата (iv), который объединяет негенеративные и часть генеративных описаний русского языка, ср. (Franks 1995; Bailyn 2011).

iv. Подлежащее финитной клаузы по умолчанию получает в русском языке им.п., подлежащее нефинитной клаузы – дат.п.

2.3. Модальность и вид глагола

Конкретная разновидность модального значения для предложений ДИС в изъявительном наклонении предсказывается квадратной матрицей, выделенной О. В. Митрениной. Из четырех теоретически возможных клеток конструкция ДИС в указанной группе предложения покрывает три. Контингентностью принято называть конъюнкцию возможности p и отсутствия необходимости p ($\diamond p \ \& \ \sim \square p$): этот тип значения обеспечивается комбинацией отрицания с инфинитивом несовершенного вида. Таб. 1 показывает распределение значений в предложениях ДИС с одушевленным субъектом, где семантическое многообразие является максимальным.

	Неотрицательные клаузы	Отрицательные клаузы
Несовершенный вид	Внешняя необходимость ($\square p$) <i>Тебе выходить <твоя остановка>.</i>	Контингентность ($\diamond p \ \& \ \sim \square p$) <i>Тебе еще не выходить.</i>
Совершенный вид	*	Внешняя невозможность ($\sim \diamond p$) <i>Тебе не выйти из автобуса.</i>

Таб. 1. Категория вида и тип модального значения, по (Митренина / Mitrenina 2017)

Дефектная комбинация ‘инфинитив сов.в. + неотрицательный модальный оператор’ частично восполняется в русском языке употреблением предикативов дативно-предикативной структуры (далее – ДПС) типа *надо, можно*. Однако это уже финитная конструкция с существенно иными свойствами: предикатив свободно сочетается с инфинитивами и сов.в., и несов.в., а интерпретация полифункционального модального слова зависит не от структуры клаузы, а от выбора конкретной лексемы и прагматического контекста.

7.а. <Вы что-то бледны>. Вам_{DAT} **надо**_{PRED} прилечь_{INF-PERF} [долженствование; деонтическая модальность (*X* советует или приказывает *Y*-у сделать *p*) или внутренняя модальность (*X* реконструирует внутреннее состояние *Y*-а, утверждая, что тот имеет внутреннюю потребность в *p*)].

б. В России **надо**_{PRED} жить_{INF-IMPERF} долго. [долженствование; алетическая модальность (*X* утверждает, что в локусе *L* внешние обстоятельства вынуждают любого *Y*-а делать *p*)].

в. <Есть ошибки>. Вам_{DAT} **надо**_{PRED} еще позаниматься_{INF-PERF} [долженствование; алетическая модальность (*X* утверждает, что существуют внешние обстоятельства, которые вынуждают *Y*-а сделать *p*)]

8.а. <Процедура окончена>. Вам_{DAT} **можно**_{PRED} прилечь_{INF-IMPERF} [возможность; деонтическая модальность (*X* разрешает *Y*-у сделать *p*)].

б. Петрову_{DAT} еще было **можно**_{PRED} дотянуться до двери, а мне_{DAT} нет [возможность; алетическая модальность (*X* утверждает, что не имел возможности сделать *p*, а *Y* такую возможность имел.)]

Конструкция ДИС используется также в неиндикативных предложениях, в том числе, в контексте оптативной частицы *бы* и эмфатической частицы *же*. Эта группа употреблений подробно исследована А. Израэли (Israeli 2013; 2014; 2016). Здесь неотрицательные предложения с инфинитивом сов.в. возможны, но они не имеют значения алетической необходимости.

9.а. Хорошо_{PRED} бы_{OPT} Вам_{DAT} прилечь_{INF-PERF}.

б. Хорошо_{PRED} бы_{OPT} Вам_{DAT} лечь_{INF-IMPERF}.

А. Израэли (Israeli 2013: 202, 212, 214) критикует Д. Мура, Д. Перлмуттера и Н. Флейшера (Moore, Perlmutter 1999; Fleisher 2006) за толкование примеров ДИС при помощи выражения англ. *in the cards* » «так карта легла», «так уж суждено» и утверждает, что рус. *Мне не сдать экзамен* не эквивалентно английскому переводу, предлагаемому упомянутыми синтаксистами: ‘It is not (**in the cards**) for me to pass the exam’. С этим можно частично согласиться в том плане, что русская конструкция ДИС не связана с идеей фатальной детерминированности всего хода событий: она сообщает лишь о внешнем препятствии *F*, которое мешает осуществиться *p* в ситуации *L*. Однако перевод самой А. Израэли ‘I won’t be able to pass the exam’ имеет другой изъян: он меняет таксономический

тип модальности с внешней (алетической) на внутреннюю, ср. англ. *to be able*. Методологическая проблема, подмеченная по сходному поводу Р. Шимиком (Šimik 2011: 55), состоит в том, что носители языка, стремясь к идиоматично звучащему переводу, нередко предлагают парафразы, искажающие тип модальности. Мы полагаем, что вопросы переводоведения и межъязыковых соответствий не должны смешиваться с проблемами семантического описания.

2.4. Семантический субъект и неодушевленность

Конструкция ДИС не налагает ограничений на одушевленность модального субъекта, ср. неодушевленную именную группу (далее – ИГ) в (10.а.–в.) и событийное имя в (11.).

10.а. Грузовикам_{DAT} ^{NON-ANIM} здесь не_{NEG} проехать_{INF.PERF}

б. [Новым Васиным песням]_{DAT} ^{NON-ANIM} уже не_{NEG} звучать_{IMPERF} на фестивале.

в. Тут и капле_{DAT} ^{NON-ANIM} не_{NEG} просочиться_{INF.PERF}

11.а. [Трем смертям]_{DAT} ^{NOM-ANIM} не бывать_{INF.IMPERF} а одной_{DAT} не_{NEG} миновать_{INF.PERF}

б. Быть_{INF.IMPERF} дождю_{DAT} ^{NOM-ANIM}.

Допустимы, хотя выглядят книжными, пассивные инфинитивы. В этом случае субъект в дат.п. контролирует вторичное согласование (форму рода и числа) причастия, см. (12.).

12. [Васиной статье]_{DAT.SG.F} ^{NON-ANIM} уже не_{NEG} быть_{INF.IMPERF} напечатанной_{PTCP}
INSTR.SG.F'

Отсутствие экспериенциальной семантики и ограничения на одушевленность являются важными характеристиками, отличающими предложения ДИС от дативно-предикативных структур с предикативами ДПС, см. примеры (7.–8.) выше и главу (Стаменов, Циммерлинг, наст. сборник).

2.5. Возможные следы вложенных предложений ДИС

Вложенные предложения ДИС при внешней синтаксической вершине почти не упоминаются в описаниях грамматики современного русского языка. При разносубъектных клаузах это исключено, при глаголах типа *казаться* подъем аргумента тоже невозможен, **Мне кажутся Васины статьи издаваться в Тамбове*. Однако при модальном предикативе *надо* подъем аргумента в дат.п. все же маргинально возможен, что указано в (Циммерлинг / Zimmerling 2020). Вложенное предложение ДИС при *надо* однозначно диагностируется при неодушевленном аргументе, ср. ИГ *пирог* в (13.а.), так как трактовка пирога как модального субъекта предикатива в этом случае исключена. Финитное предложение (13.б.) передает то же содержание, что и (13.а.).

13. а. Пирог_{DAT}^{NON-ANIM} надо_{PRED} [_{DIS} PRO остыть пирогу]
 б. ∅ Надо_{PRED} [_{CP} чтобы пирог остыл].

Напомним, что независимых утвердительных предложений ДИС с глаголом совершенного вида *пирог остыть со значением ‘внешний фактор *F* делает остывание пирога неизбежным’ в современном русском языке по таб. 1. быть не должно. Однако возможны императивные предложения с таким составом, правда, уместны они лишь при одушевленном субъекте, ср. (14.).

14. а. Всем_{DAT}^{ANIM} – остыть_{INF.PERF} и успокоиться_{INF.PERF}!
 б. *Пирог – остыть и успокоиться!

Таким образом, идиоматичное и грамматически правильное модальное предложение (13.а.), порождаемое операцией подъема аргумента, не может быть вложенным вариантом аномального предложения (14.б.). Оно может рассматриваться только как реликт синтаксических отношений, свойственных русскому языку на более ранней стадии. Другие модальные предикативы, как будто, не допускают структуры с подъемом типа (13.а.). В то же время, такая структура маргинально допускается предикативами *хорошо* и *лучше* в оптативных контекстах, выражающих пожелание. Контекст произнесения предложения (15.а.), являющегося реакцией видного болельщика Н. на разгромное поражение его команды и слабую игру вратаря М., исключает интерпретацию ДПС ‘голкиперу М. хорошо было бы стать в ворота’. Говорящий выражает совсем иную мысль – ‘было бы хорошо, если бы вместо М. в воротах стоял настоящий голкипер’, см. финитную парафразу (15.б.).

15. а. В ворота хорошо_{PRED} бы_{OPT} стать_{INF-PERF} голкиперу_{DAT}... <а не мальчишке во вратарском свитере с повадками внимательного зрителя>²
 б. Хорошо бы в воротах стоял <настоящий> голкипер, а не мальчишка во вратарском свитере.

Пример (15.) подтверждает, что присущие независимым индикативным предложениям ДИС ограничения на употребление инфинитива сов.в. снимаются в контексте неиндикативного модального оператора типа *хорошо бы*.

3. Синтаксические идиомы с *н*-словами

3.1. Определение и дефиниционные свойства *н*-слов

Н-слова являются предикатными вершинами, удовлетворяющими следующему определению.

² Автор текста – известный актер Дмитрий Назаров, 1957 г.р. См. «Спорт-Экспресс», 25.10.2021. Актер Назаров написал стихотворение после разгрома «Спартака» от «Зенита».

в. *Н*-слово может быть лексической вершиной финитного предложения, но не вершиной непредикативной группы, состоит из ударного отрицания *не*-, в который инкорпорируется одиночная словоформа вопросительно-относительного местоимения, и имеет обязательную валентность на инфинитив.

Не являются *н*-словами неопределенные местоимения *некий*, *некоторый*, где выделяется ударное *не*-, ср. ИГ *некий человек*, *некоторое недоразумение*, а также аргументные слова с морфом *не*- типа *недруг*, *немоощь*, *нелюдь*, *нежить*, *ненависть*, *недоросль*, ср. также *невидаль*³.

Инкорпорированный компонент *н*-слова называется далее *к*-словом. Е. В. Падучева (Падучева / Paducheva 2017) считает *к*-слово аналогом относительного местоимения. Это объясняется тем, что она признает предложения с *н*-словом типа *мне негде спать* 'не существует такого места, где *X* может спать' аналогом т.н. безвершинных относительных придаточных (free relatives), ср. *я съем*, [_{FR} *что ты приготовишь*], *я лягу*, [_{FR} *где ты постелешь*]. Большинство исследователей, однако, сопоставляет предложения типа *мне было негде спать* и близкие им структуры *мне не было где спать* с т.н. делиберативными (=советательными) вопросами типа *Где мне спать? Что мне приготовить?* (Zubatý 1922; Mrázek 1972; Šimík 2011), поэтому аналогия с вопросительными местоимениями выглядит более очевидной.

3.2. Состав класса *н*-слов

Объем класса *н*-слов определяется комбинаторикой *к*-слов, способных инкорпорироваться в форму ударного отрицания *не*-. Среди *н*-слов имеются три единицы, традиционно описываемые как местоименные наречия с пространственным значением – *негде*, *некуда*, *неоткуда*, одно темпоральное наречие (*некогда*) и одно наречие цели (*незачем*). Прочие *н*-слова являются формами косвенных падежей местоимений *некто* и *нечто*, при этом формы им.п. данных местоимений *н*-словами не являются и имеют иной синтаксис. Если рассматривать каждую комбинацию *н*-слова с предлогом, ср. *не для кого*, *не у чего*, *не к кому*, *не по чему*, *не на чем*, *не с кем*, *не о чем* и т.п., а также беспредложные формы *некого*, *некому*, *некем*, *нечего*, *нечему*, *нечем* как отдельную единицу, общий объем класса *н*-слов составит около 60 единиц. В формировании *н*-слов участвуют только первообразные предлоги, комбинации типа **не благодаря кому*, **не ввиду чего* исключены.

³ Любопытна идиома *невесть кто* 'неизвестно кто', которую можно трактовать, как непредикативную группу, в состав которой вставлено вопросительно-относительное местоимение *кто*, но в *не*- инкорпорируется другое слово.

3.3. Ударное отрицание *не*² в составе *н*-слов и подъем *к*-слов

Н-слова совмещают в себе признаки морфологических и синтаксических единиц, в силу чего их нередко описывают как ‘синтаксические идиомы’ (Rapaport 1986) или ‘синтаксические агломераты’ (Апресян, Иомдин / Apresyana, Iomdin 1989). Интуитивно неочевидно, является ли ударное *не*- в составе *н*-слова аффиксом или синтаксическим элементом, поэтому уточнение статуса *не*- возможно лишь после выяснения общей синтактики *н*-слов, а не наоборот. Ю. Д. Апресян и Л. Л. Иомдин (1989; 2010) используют для указания на ударный отрицательный морф верхний индекс *не*², чтобы отделить его от свободного безударного отрицания *не*¹, которое стоит с *к*-словом дистантно, см. вариант (16.а.), где реализуется *н*-слово *не*²*где*, и вариант (16.б.), где такая единица не возникает.

16.а. Мне_{DAT} было_{AUX.PST.3SG.N} *не*² где_{NEG-W} спать_{INF}.

б. Мне_{DAT} *не*¹ было_{AUX.PST.3SG.N} где_{K-W} спать_{INF}.

В плане семантики и *не*¹, и *не*² являются общими (сентенциальными) отрицаниями, в сферу действия которых входит вся пропозиция. Однако *не*¹ является свободным (free), а *не*² – лексически связанным (bound, lowered) отрицанием. Русский язык в отрицательных клаузах с *к*-словом явно предпочитает вариант (16.а.) с лексически связанным отрицанием. Если варианты (16.а.–б.) связаны между собой некоторым правилом синтаксиса, что признает большинство исследователей, ср. (Rapaport 1986; Babby 2000), позиция отрицания и в (16.б.), и в (16.а.) должна находиться в верхней, матричной клаузе, хотя образование *н*-слова затемняет этот факт: если не постулировать подъем *к*-слова в верхнюю (матричную) клаузу, получается очевидно неприемлемый результат, когда граница между матричной и вложенной клаузой проходит внутри *н*-слова, между *не*² и *к*-словом. Трудность можно обойти, избрав синтаксический формализм без понятия клаузы, например грамматику зависимостей (Апресян, Иомдин / Apresyana, Iomdin 1989; 2010). Однако формализм грамматики составляющих дает достаточно ресурсов для проверки гипотезы о подъеме *к*-слова, в том числе в языках типа болгарского, где образования *н*-слова не происходит, при этом отрицание может образовывать морфологическое единство с матричным предикатом (Пенчев / Penchev 1984; Rudin 1986; Пенчев / Penchev 1993; 1998). В примерах (17.а.–б.) *к*-слово *къде* стоит левее подчинительного союза-частицы *да*, вводящего финитную клаузу, в данном случае эквивалентную русскому инфинитивному обороту.

17. Болгарский

а. Има_{EXIST} къде [_{WH} да спя къде].

б. Няма_{EXIST.NEG} къде [_{WH} да спя къде].

Болгарский язык использует один и тот же поверхностный синтаксис с вложенной *да*-клаузой в утвердительных и отрицательных экзистенциальных предложениях, вводимых *има* и *няма*. В русском языке синтаксис этих предложений асимметричен: эквивалентом (17.а.) служит предложение (18.), где используется оператор утверждения *есть* (презентная форма полнозначного глагола *быть*).

18. **Есть** где спать.

В отрицательных экзистенциальных предложениях русского языка форма *есть* невозможна, тем самым, *не²* и *есть* оказываются в дополнительной дистрибуции, что дает основание трактовать *не²* как идиоматическую форму экзистенциального глагола (Garde 1976; Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989), ср. блг. *няма*. Рус. *есть* и блг. *има* эквивалентны, с поправкой на то, что болгарский язык использует оператор подтверждения на основе глагола ИМЕТЬ, а русский – на основе глагола БЫТЬ (Mrázek 1972).

3.4. *Н*-слова как аналоги предикативов ДПС

В традиционных описаниях русской грамматики *н*-слова рассматриваются как предикативные отрицательные местоимения с обязательной валентностью на инфинитив (Шведова / Shvedova 1982). Ж. Вейренк (Veugenc 1979) прямо отождествляет их с предикативами ДПС, поскольку они сочетаются с теми же типами связок и требуют субъекта в дат.п. Впервые подобное соображение было высказано А. М. Пешковским, который использовал термин «безлично-предикативное слово в позиции после связки» (Пешковский / Peshkovskij 1928: 418). Главным доводом в пользу такого анализа является то, что *н*-слова имеют стандартный связочный синтаксис и не накладывают ограничений на форму вида инфинитива, см. выше п. 2.3. о соответствующем ограничении в предложениях ДИС, а связка *быть* может быть заменена связками *стать*, *оказаться* и *делаться*. В записи (19.) полужирным выделены элементы, которые диагностируют данную синтактику.

19. Мне было_{AUX} / стало_{AUX} / оказалось_{AUX} / сделалось_{AUX} негде_{NEG-W} спать_{INF}
IMPERF / **прилечь**_{INF.PERF}

Таким образом, заполнение позиций связки и инфинитива в примерах с *н*-словом полностью соответствует представлениям о несогласуемых финитных связочных предложениях в русском языке и не соответствует синтаксису ДИС, которые не являются стандартными связочными структурами, см. п. 2.2. выше. Маркировка семантического субъекта дат.п. не является ясным критерием, поскольку дат.п. может приписываться как предикативом (Veugenc 1979), так и инфинитивом (Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989), соответственно, трактовка ИГ в дат.п. как элемента вложенной или матричной клаузы, или, в иных терминах – как зависимого инфинитива или всего *н*-слова, зависит от избранной теории. При отождествлении всего *н*-слова с предикативом в паре (NEG-W° → INF) инфинитив считается зависимым *н*-слова.

3.5. *Н*-слова как аналоги предложений

Согласно Ю. Д. Апресяну и Л. Л. Иомдину (Апресян, Иомдин / Апресян, Iomdin 2010: 70), Й. Хольтхузен (Holthusen 1953: 158) был первым лингвистом, который рассматривал русские *н*-слова как аналоги предложений, возглавляемых отрицательным экзистенциальным глаголом. Этот анализ был развит П. Гардом (Garde 1976) и обрел современный вид в работах (Rapport 1986; Апресян, Иомдин / Апресян, Iomdin 1989), где *к*-слово трактуется не как хозяин инфинитива, а его зависимое ($INF^{\circ} \rightarrow WH$). Это решение подсказывается тем, что падежная форма *к*-слова зависит от валентности инфинитива, т.е. является его внутренним аргументом: *не²кого_{ACC} винить^o* (+ACC), *не² о чем_{LOC} спорить^o* (+LOC), *не² с кем_{INSTR} поболтать^o* (+INSTR). Разумеется, непосредственно проверить этот тезис можно только для местоименных *к*-слов, так как наречные слова *где, куда, откуда, когда* и *зачем* лишены падежа изначально. Если принять этот анализ и дополнить его правдоподобной гипотезой о подъеме *к*-слова в матричную клаузу, структура предложений *н*-слова может выстраиваться примерно так: *к*-слово изначально (т.е. во вложенной инфинитивной клаузе) не является синтаксической вершиной, но переосмысливается в качестве таковой при попадании в матричную клаузу, так как инфинитив ведет себя как семантический аргумент *к*-слова.

vi. $не^0 \rightarrow к\text{-слово}^o \rightarrow инфинитив^0 \rightarrow к\text{-слово}$. (по Rapport 1986 и Babby 2000).

Г. Раппопорт (Rapport 1986) допускал, что *н*-слова хранятся в словаре, как готовые единицы. Л. Бэбби (Babby 2000) обосновал тезис о том, что *н*-слово порождается в процессе деривации. Главный довод в пользу разложения *н*-слов в синтаксисе и реконструкции вложенной клаузы с *к*-словом состоит в том, что отрицательные клаузы с *н*-словом соотносительны с утвердительными экзистенциальными предложениями типа *есть где спать*, см. (18.), а также с раздельнооформленными вариантами отрицательных клауз типа *не было где спать*, см. (16.б.). Поэтому нужно проверять общие черты того предикатного типа, который реализуется во всех этих трех случаях.

3.6. Экзистенциальная квантификация и интерфейс конструкции МЭК

Русские предложения с *н*-словами непосредственно отождествимы с относительно распространенным в языках мира типом предложений, называемых модальной экзистенциальной конструкцией (далее – МЭК). Общим таксономическим значением МЭК является модально-экзистенциальная квантификация (Šimik 2011).

vii. Наличие/ отсутствие *x* позволяет/не позволяет сделать *p*.

Формула (vii) соответствует значению лексического концепта *available* в английском языке, а также словарным определениям *n*-слов в русской лексикографии. Словарь С. И. Ожегова (Ожегов / Ozhegov 1964: 395) толкует значение *некуда* так: 'Нет такого места, куда бы (можно было идти, поместить и т.п.)'. В европейских языках конструкция МЭК реализуется в виде биклаузальной структуры с оператором в верхней клаузе и вложенной группой *к*-слова, что первым показал Й. Зубаты (Zubatý 1922).

viii. EXIST/EXIST.NEG [_{wh} wh, V]

В большинстве славянских языков вложенная клауза является нефинитной, но в болгарском и македонском вложенный инфинитив заменен финитными *да*-клаузами (Mrázek 1972). В остальном, болгарские примеры (17.а.–б.) соответствуют формуле (viii) иконическим образом. Как показал еще Й. Зубаты на материале чешского языка, вложенная клауза МЭК не является синтаксическим островом (*island*) и допускает извлечение клитик и ударных слов в матричное предложение, при том что другие типы вложенных инфинитивных клауз с *к*-словом могут их блокировать в том же языке. Для болгарских МЭК с финитными *да*-клаузами аналогичный результат был получен К. Рудин (Rudin 1986).

Тип модальности, реализуемый русскими предложениями МЭК, можно охарактеризовать как алетическую (внешнюю) возможность для утвердительных предложений типа *есть где спать* ($\exists (x) \ \& \ \diamond p (x)$) и алетическую невозможность ($\sim \exists (x) \ \& \ \sim \diamond p (x)$). Этот набор пересекается с матрицей значений предложений ДИС, но не совпадает с ней: предложения ДИС не выражают в современном русском языке значения внешней возможности ($\diamond p$), а предложения с *n*-словами не выражают значения контингентности $\diamond p \ \& \ \sim \square p$. Кроме того, предложения ДИС не имеют значения экзистенциальной квантификации и не используют формы полнозначного (бытийного) глагола *быть*, в то время как русские предложения МЭК, в том числе – предложения с *n*-словами, возглавляются внешне выраженным экзистенциальным оператором. Наконец, значение сильной алетической модальности (внешней необходимости, *p*) может выражаться предложениями ДИС, но не предложениями МЭК. Все эти различия, по-видимому, могут быть выведены из единственного постулата.

ix. В русских предложениях МЭК всегда имеется внешне выраженная синтаксическая вершина в виде модально-экзистенциального оператора. В русских предложениях ДИС внешний модальный оператор не может реализоваться на поверхностно-синтаксическом уровне.

3.7. Гибридные, вырожденные и модальные *n*-слова

Введем различие гибридных и вырожденных *n*-слов. *N*-слово является гибридным предикатом, если оно имеет естественно-языковое отрицание и в контексте употребления дает возможность реконструировать утвердительный

коррелят со словом *есть*. В противном случае *н*-слово является вырожденным. В большинстве описаний по умолчанию принимается, что все *н*-слова являются гибридными, т.е. позволяют реконструировать коррелят с *есть*. Это неверно. Так, наряду с гибридным *н*-словом *нечего*¹ + INF, где *к*-слово получает падеж от инфинитива, ср. *нечего пить*, существует модальное вырожденное *н*-слово *нечего*² ‘не следует’, которое лишено естественно-языкового отрицания.

20.а. **Нечего**_{PRED}² (тебе_{DAT.2SG}) хвалить_{INF} студентов_{ACC.PL}.

б. ***Есть** (тебе) чего хвалить студентов.

Непосредственно очевидно, что *к*-слово *чего* в (20а) не является дополнением глагола *хвалить*, так как соответствующая синтаксическая валентность уже занята ИГ *студентов*. Тем самым, *нечего*² ничем не отличается от предикативов ДПС со встроенным лексическим отрицанием, ср. *нельзя*. Не все вырожденные *н*-слова являются модальными, и не все модальные *н*-слова являются вырожденными. *Н*-слово (X-у) *некогда* ‘X занят’ может употребляться как гибридное, но в контексте (21.) это исключено:

21.а. (Мне_{DAT.1SG}) сейчас некогда_{PRED} полоть_{INF} грядку_{ACC.SG}.

б. *(Мне_{DAT.1SG}) сейчас **есть** когда полоть грядку.

Н-слова *не к чему* и *незачем* демонстрируют другое отклонение от таксономической семантики МЭК: они обычно позволяют реконструировать утвердительный коррелят, но при этом выражают не ожидаемое в МЭК значение внешней невозможности, а значение внутренней модальности ‘X не нуждается в том, чтобы делать р’.

22.а. Ему было **незачем** экономить на билетах.

б. Ему было **зачем** экономить на билетах.

Модальные употребления, отклоняющиеся от значения МЭК, в общем случае, связаны с интернализацией внешних дэвидсоновских состояний. Так, *н*-слова *не над чем смеяться*, арх. *нечему смеяться* в контексте обращения к собеседнику легко переходят от базового значения МЭК ‘не существует такой вещи *p*, над которой X мог бы смеяться’ к производному деонтическому значению ‘Смеяться над *p* не следует’.

3.8. Подъем и морфологический падеж *к*-слов

Все вырожденные употребления *н*-слов являются беспадежными: даже если *к*-слово *чего* в составе *нечего*² изначально имеет вин-род.п., оно теряет его в процессе деривации. Эту трактовку можно распространить и на гибридные *н*-слова, если они используются в позиции предикатной вершины, поскольку в позиции лексической вершины именного сказуемого никакие несогласуемые элементы выражать категорию падежа в русском языке не могут. Тем самым,

если *н*-слово действительно имеет некоторые свойства морфологической единицы, а не просто является свернутым предложением, оно должно подчиняться этому принципу. Отсюда следует, что *к*-слова в предложениях типа *некого винить в проигрыше* при подъеме в главную клаузу теряют морфологический падеж, изначально приписанный им во вложенной клаузе (Циммерлинг / Zimmerling 2022).

23. Васе_{DAT} было_{AUX.PST.3SG} **не°кого**_{ACC} [WH винить°кого_{ACC} в проигрыше].

Имеется важное исключение, касающееся *н*-слов *некому* и *нечему*, включающих беспредложные формы дат.п. *к*-слов *кому* и *чему*. *Некому* и *нечему* могут занимать не только позицию лексической вершины предиката в предложении МЭК, но и позицию субъекта. В этом случае реализуется структура ДИС, где внешне выраженный субъект *должен* иметь дат.п., иначе предложение будет аномальным.

24. [DIS **Некому**_{NEG-W.DAT} ^{+ANIM} было_{AUX.PST.3SG} [WH съест_{INF} кому_{DAT} пирог_{ACC}].

25. [DIS **Нечему**_{NEG-W.DAT} ^{NON-ANIM} было_{AUX.PST.3SG} [WH гореть_{INF} чему_{DAT}].

Обобщение о сохранении или утрате морфологического падежа при подъеме *к*-слова, с учетом (24.) и (25.), может иметь вид (х).

х. Русские *к*-слова теряют морфологический падеж в ходе деривации, если они попадают в матричной клаузе в неаргументную позицию, но сохраняют падеж в том случае, если они перемещаются в аргументную позицию субъекта матричной клаузы.

3.9. Одушевленность субъекта

Высказывалось мнение, что русские предложения с *н*-словами имеют одушевленного субъекта, а предложения с неодушевленным субъектом в дат.п. непродуктивны и объясняются двояко: 1) наличием фразеологических сочетаний типа *яблоку негде упасть* (Апресян, Иомдин / Aprésyan, Iomdin 1989: 60), 2) возможной контекстной интерпретацией неодушевленного аргумента как активной сущности (Fortuin 2014: 36). Корпусная статистика этого не подтверждает, при этом есть контексты, несовместимые ни с тем, ни с другим объяснением.

26. Есть бог... безбородый, потому **бороде**_{DAT.SG} ^{NON-ANIM} негде_{NEG-W} на нём поместиться_{INF}. [Сергей Клычков, 1926, Национальный корпус русского языка].

Правомерно заключить, что ограничение на одушевленность субъектного аргумента в предложениях МЭК с предикативным *н*-словом отсутствует, однако при отсутствии внешне выраженного субъекта, он, как и предложениях ДИС, по умолчанию осмысливается как одушевленный. Что касается предложений ДИС с субъектными словами *некому*, *нечему*, в них одушевленность/неоду-

шевленность является лексически заданной характеристикой *н*-слова, см. (24.) и (25.).

3.10. *Н*-слова как вложенные предложения ДИС

Поскольку само наличие в современном русском языке вложенных предложений ДИС, при непродуктивности данного типа, можно считать доказанным, см. раздел 2.4. выше, имеется возможность интерпретировать предложения МЭК с предикативными *н*-словами как вложенные предложения ДИС. Такой анализ облегчается тем, что ни в ДИС, ни в МЭК нет ограничения на одушевленность субъекта, см. выше раздел 3.9. Поэтому предложения с неодушевленным субъектом в дат.п. можно непосредственно трактовать как структуры с подъемом аргумента.

27. Пирог_{DAT}^{NON-ANIM} не^o где_{NEG-W} [DIS остыть_{INF} где пирог_{DAT}^{NON-ANIM}].
 28. Печке_{DAT}^{NON-ANIM} не^o на чем_{NEG-W.INSTR.PREP} [DIS стоять_{INF} на чем_{INSTR.PREP} печ-ке_{DAT}^{NON-ANIM}].

Неясно, можно ли аналогичным способом объяснить МЭК с одушевленным субъектом в дат.п. Синтаксис таких предложений с *н*-словами дает больше оснований трактовать их как структуры с предикативом и матричным субъектом, который не наследуется из вложенной клаузы с *к*-словом, но порождается в самом матричном предложении.

4. Заключение

Две инфинитивные конструкции, выражающие модальные значения в русском языке, имеют сходные, но не тождественные свойства. Конструкция ДИС является универсальным средством выражения алетической (внешней) модальности, но не передает значения экзистенциальной квантификации. Для синтаксических идиом с *н*-словом и для русской конструкции МЭК в целом значение экзистенциальной квантификации является диагностическим, но сами значения алетической возможности и алетической необходимости могут выражаться и предложениями ДИС. В плане синтаксиса предложения ДИС являются редуцированными биклаузальными структурами с невыраженной внешней синтаксической вершиной – модальным оператором. В предложениях с предикативным *н*-словом, напротив, внешняя вершина всегда эксплицитно выражена. Если в предложениях ДИС редуцированной является верхняя клауза, то в предложениях с *н*-словом редуцирована вложенная инфинитивная клауза, откуда извлекается *к*-слово и могут извлекаться другие элементы. *Н*-слова являются аналогами предложений, но имеют отдельные свойства морфологических единиц, а именно – предикативов ДПС: они лишены падежа, не согласуются и

сочетаются с субъектами в дат.п. В плане категории одушевленности *n*-слова ближе к предложениям ДИС, так как они разрешают неодушевленные субъекты. Не исключено, однако, что одушевленные и неодушевленные субъекты *n*-слов должны описываться по-разному. Предложения ДИС связаны почти исключительно с независимыми клаузами. Вложенные предложения ДИС, вводимые предикативами, являются реликтовым типом, однако имеется возможность интерпретировать предложения МЭК с *n*-словами как обособившуюся разновидность вложенных предложений ДИС.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan, Iomdin 2010: Апресян, Ю., Л. Иомдин. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография. – В: Апресян, Ю. (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва, с. 59–113. (Apresyan, Yu., L. Iomdin. Konstruktsii tipa *negde spat*: sintaksis, semantika, leksikografiya. – In: Apresyan, Yu. (red.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovarya*. Moskva, pp. 59–113.)
- Babby 2000: Babby, L. H. Infinitival existential sentences in Russian: A case of syntactic suppletion. – In: King, T. H., I. A. Sekerina (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 8: The Philadelphia Meeting 1999*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, pp. 1–21.
- Bailyn 2011: Bailyn J. 2011. *The Syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonch-Osmolovskaya 2003: Бонч-Осмоловская, А. *Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Диссертация*. Москва: МГУ. (Bonch-Osmolovskaya, A. *Konstruktsii s dativnym sub"ektom v russkom yazyke. Dissertatsiya*. Moskva: MGU.)
- Ebeling 1984: Ebeling, C. L. On the meaning of the Russian infinitive. – In: Van Baak, J. J. (ed.). *Signs of Friendship, to Honour Andre G.F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician*. Amsterdam: Rodopi, pp. 97–130.
- Fleisher 2006: Fleisher, N. *Russian Dative Subjects, Case, and Control*. Ms., University of California.
- Fortuin 2005: Fortuin, E. L. J. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian. – In: Hansen, B., P. Karlik (eds.). *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*. Munchen: Otto Sagner, pp. 39–60.
- Fortuin 2007: Fortuin, E. L. J. Modality and aspect: Interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian. – In: *Russian Linguistics*, 31(3), pp. 201–230.
- Fortuin 2011: Fortuin, E. L. J. Explaining the distribution of infinitives of impersonals in Russian. – In: *Language Sciences*, 33(5), pp. 768–785.

- Fortuin 2014: Fortuin, E. L. J. The Existential Construction in Russian: a Semantic-Syntactic Approach. – In: *Studies in Slavic and General Linguistics, Vol. 40, Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists: Minsk, August 20-27, 2013. Linguistics (2014)*, pp. 25–58.
- Franks 1995: Franks, S. L. *Parameters of Slavic morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Garde 1976: Garde, P. Analyse de la tournure russe *Mne nečego delat'*. – In: *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, vol. 22, pp. 43–60.
- Holthusen 1953: Holthusen, J. Russisch nečego und Verwandtes. – In: *Zeitschrift für Slawische Philologie*, Bd. 22, Heft 1, pp. 156–159.
- Hodova 1980: Ходова, К. И. *Простое предложение в старославянском языке*. Москва: Наука. (Hodova, K. I. *Prostoe predloženie v staroslavjanskom jazyke*. Moskva: Nauka.)
- Israeli 2013: Israeli, A. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics. – In: Kor Chahine, I. (ed.). *Contemporary Studies in Slavic Linguistics*. Philadelphia: John Benjamins, pp. 199–224.
- Israeli 2014: Israeli, A. Dative-infinitive БИ constructions in Russian. Taxonomy and semantics. – In: Witkoś, J., S. Jaworsky (eds.). *New Insights into Slavic Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang, pp. 141–59.
- Israeli 2016: Israeli, A. Dative-Infinitive Constructions with the Particle ЖЕ in Russian: Taxonomy and Semantics. – In: *Slavic and East European Journal*, vol. 60, № 2, pp. 308–330.
- Kondrashova, Šimik 2013: Kondrashova, N., R. Šimik. Quantificational properties of neg-wh items in Russian. – In: *NELS 40: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA Publications, pp. 15–28.
- Madariaga 2011: Madariaga, N. P. Infinitive clauses and dative subjects in Russian. – In: *Russian linguistics*, vol. 35, № 3, pp. 301–329.
- Mitrenina 2017: Митренина, О. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа. – В: Лютикова, Е. А., А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфологических параметров. Материалы международной конференции*. Вып. 4, с. 64–70. (Mitrenina, O. *Dativno-infinitivnaya konstruktciya v russkom yazyke kak predložhnaya grupa*. – In: Lyutikova, E. A., A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov*. Is. 4, pp. 64–70.)
- Moore, Perlmutter 1999: Moore, J., D. M. Perlmutter. Case, agreement, and temporal particles in Russian infinitival clauses. – In: *Journal of Slavic Linguistics*, 7(2), pp. 219–246.
- Mrázek 1972: Mrázek, R. Славянский синтаксический тип «мне нечего читать». – В: *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Studia minora fakultatis philosophicae universitatis brunensis*. № 20, pp. 97–105. (Mrázek, R. *Slavyanskij sintaksicheskij tip "mne nečego chitat"*. – In: *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Studia minora fakultatis philosophicae universitatis brunensis*. № 20, pp. 97–105.)
- Ozhegov 1964: Ожегов, С. И. *Словарь русского языка. 6-е изд.* Москва: Советская энциклопедия. (Ozhegov, S. I. *Slovar' russkogo yazyka. 6-e izd.* Moskva: Sovetskaya entsiklopediya.)
- Paducheva 2017: Падучева, Е. В. *Отрицательные местоимения-предикативы (на не-). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). Москва. (Paducheva, E. V. *Otritsatel'nye mestoimeniya-predikativy (na ne-). Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Moskva.)

- Penchev 1984: Пенчев, Й. Строеж на българското изречение. София. (Penchev, Y. *Stroezh na balgarskoto izrechenie*. Sofia.)
- Penchev 1993: Пенчев, Й. *Управление и свързване*. Пловдив. (Penchev, Y. *Upravlenie i svarzvanie*. Plovdiv.)
- Penchev 1998: Пенчев, Й. Синтаксис. – В: Бояджиев и др. (ред.). *Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис)*. София, с. 498–655. (Penchev, Y. *Sintaksis*. – In: Boyadzhiev, T. et al (eds.). *Savremenen balgarski ezik (fonetika, leksikologiya, morfologiya, sintaksis)*. Sofia, pp. 498–655.)
- Peshkovskij 1928: Пешковский, А. М. *Русский язык в научном освещении. 3-е изд.* Москва-Ленинград: Государственное издательство. (Peshkovskij, A. M. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii. 3rd ed.* Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.)
- Rappaport 1986: Rappaport, G. C. On a persistent problem of Russian syntax: sentences of the type *Mne negde spat'*. – In: *Russian Linguistics*, № 10, pp. 1–31.
- Rudin 1986: Rudin, C. *Aspects of Bulgarian syntax: Complementizers and wh-constructions*. Columbus, OH: Slavica Publishers.
- Shimik 2011: Šimík, R. *Modal existential wh-construction*. Phd. Groningen.
- Shvedova 1982: Шведова, Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. Т. 1–2. Москва: Наука. (Shvedova, N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika*. Vol. 1–2. Moskva: Nauka.)
- Veyrenc 1979: Veyrenc, J. *Les propositions infinitives en russe*. Paris: Institut d'Etudes Slaves.
- Zimmerling 2020: Циммерлинг, А. Одушевленность. Русский язык. – В: *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН*, т. 24, с. 43–56. (Zimmerling, A. *Odushevlennost'*. *Russkij yazyk*. – In: *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova RAN*, vol. 24, pp. 43–56.)
- Zimmerling 2022: Zimmerling, A. Existentials, modals and the ontology of states. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. София, с. 57–66. (Zimmerling, A. Existentials, modals and the ontology of states. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreichin”*. Sofia, pp. 57–66.)
- Zubatý 1922: Zubatý, J. *Mám co dělati*. – In: *Naše řeč*, № 6, pp. 65–71.

Dative-infinitive structures and syntactic idioms in Russian

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

Abstract

I discuss two sentence patterns expressing modal meanings in Modern Russian. Dative-infinitive structures (DIS) have the taxonomic meaning of alethic (external) modality in sentences in the indicative mood. Root DIS clauses are productive, while embedded DIS clauses represent a relic type inherited from Old Russian: it only survives in sentences with identical clausal subjects. Syntactic idioms like *негде спать*, *некого винить* project an idiosyncratic finite sentence pattern with a negative existential head. The latter consists of a stressed negation *не* merged with an incorporated *wh*-word. Such elements, called *neg*-words, combine features of morphological units resembling dative predicatives with characteristics of reordered sentences derived by the raising of *wh*-words from embedded infinitival clauses to the matrix clause. Most sentences with predicative *neg*-words reconstruct affirmative counterparts, which are overtly bi-clausal. Russian sentences with predicative *neg*-words express the taxonomic meaning of existential quantification combined with the meaning of alethic impossibility. The modal subject does not impose restrictions on animacy in either sentence pattern. Both DIS sentences and syntactic idioms with *neg*-words are reordered bi-clausal structures, but the reordering vector is different: DIS sentences have a degraded upper clause, while the idioms with *neg*-words have a degraded embedded infinitival clause.

Keywords: *dative-infinitive structures, syntactic idioms, neg-words, wh-words, infinitives, alethic modality, existential quantifications, biclausality, raising*

Anton V. Zimmerling
DSc Prof
Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St.
Moscow, 117485 Russia

Institute of Linguistics
Russian Academy of Science
1 Bol'shoi Kisl'ovskij Lane
Moscow, 125009 Russia
fagraey64@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>